

Раскина Е. Ю.

Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт

Сорокина Е. Ю.

СОШ № 3, Киев

СТИХОТВОРЕНИЯ Н. С. ГУМИЛЕВА, ОБРАЩЕННЫЕ К ЕЛЕНЕ ДЮБУШЕ, И «СОНЕТЫ К ЕЛЕНЕ» ПЬЕРА ДЕ РОНСАРА: ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ И СЮЖЕТНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Парижские стихотворения Н. С. Гумилева, обращенные к Елене Дюбуше, и «Сонеты к Елене» Пьера де Ронсара обнаруживают образно-символическое сходство, связанное, в частности, со сходной трактовкой мифологизированного образа Елены (Селены, Луны, Елены Троянской и т.д.). В стихотворениях, обращенных к Синей Звезде, Н. С. Гумилев во многом следовал правилам и нормам французской куртуазной лирики эпохи Возрождения, имевшим важнейшее значение для Пьера де Ронсара.

Ключевые слова: сонеты, стихотворения к Синей звезде, куртуазная лирика, французский Ренессанс, образно-символические ряды.

Елена Дюбуше и Елена де Сюржер... Перед нами две красавицы, вдохновившие поэтов, русского и французского, на «Стихи к Елене». В первом случае речь идет о стихотворениях из книги «К Синей звезде» великого поэта Серебряного века Н. С. Гумилева, во втором – о красавице-фрейлине, вдохновившей немолодого уже Пьера де Ронсара на «Сонеты к Елене». И в первом, и во втором случае это была любовь без взаимности. Более того, можно говорить о сюжетном и образно-символическом сходстве стихотворений «К Синей звезде» Н. С. Гумилева и «Сонетов к Елене» Пьера де Ронсара. Это сюжетное и образно-символическое сходство мы рассмотрим в данной статье.

Известно, что Н. С. Гумилев был поклонником творчества Пьера де Ронсара. В частности, к его поэзии Николай Степанович обращался во время обучения в Сорбонне в 1907-1908 гг., а также в 1912-1913 гг., когда, по словам А. Ахматовой, приведенным П.Н. Лукницким, изучал «старофранцузских поэтов – Малерба, Клемана Маро, Дюбеллэ, Ронсара, [Редюбефа], Ф. Виллона, Кристину де Пизан»¹. Можно сказать, что Ронсар был духовным спутником Н. С. Гумилева, и к его творчеству он обращался и в 1917-1918 гг., в Париже, во время написания стихов, обращенных к Елене Дюбуше. Уже в Советской России, в

красном Петрограде, в шуточном стихотворении «о дровах», обращенном к Левину, Гумилев вспоминал «строфу Ронсара»: «В пятисотенный альбом / Я влеком / И пишу строфой Ронсара, / Но у бледных губ моих / Стынет стих / Серебристой струйкой пара»².

Сначала вкратце перескажем то, что известно истории о двух Еленах – Дюбуше и де Сюржер, образы которых восходят и у Ронсара, и у Н. С. Гумилева к главной Елене мировой истории – приносящей гибель красавице Елене Троянской. К тому же, как справедливо отмечал П.Н. Флоренский в своей книге «Имена» имя Елена сродни Селене, богине луны, и, более того, это имя целого народа – эллинов – Элленэ.

Приведем соответствующую цитату из П. Н. Флоренского:

«ЕЛЕНА. Имя это знаменует женскую природу. Елена – вечная женственность. Отсутствие в поведении и мыслях твердого начала, норм, преобладание эмоций, разрозненность и прихотливость душевной жизни – вот черты Елены. Ей не свойственна теоретическая деятельность ума, как не свойственно и незаинтересованное размышление. Но она способна достигать поставленных целей и проявлять большую умственную изворотливость и настойчивость. Это качество Елены при духовной невоспитанности легко

¹ Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010. С. 321.

² Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4. С. 79.

переходит в хитрость. В Елене наиболее развита способность эмоционального отклика и воздействия на чувства окружающих. Елена, как и Константин, тонко чувствует происходящее, как и он, способна к неожиданным капризам и прихотям»³.

И еще одна цитата из «Имен» П. Н. Флоренского: «Одна из этимологий имени Елена приводит его к исходному слову селена, т. е. луна. Сейчас не важно углубляться в лингвистическую проверку этого объяснения, впрочем наиболее вероятного. Каков бы ни был корень имени Елена, несомненно участие, первичное или вторичное, в этом имени слова селена, как несомненен и лунный характер родоначальницы всех Елен-дочери Леды.

Историческое ли лицо, или мифический образ, но Елена Троянская представляется «повитой ладаном лунным»: она – аспект луны, но не темной ее стороны, обиталища Манов и владычествуемой Гекатой, а светлого полушария. Оно тоже наводит чары, но более вкрадчивые и не направленные непосредственно ко злу. Такова та Елена, Луна в наибольшей пышности своего магического света, подчиняющая себе всю природу и растворяющая своим фосфоресцирующим туманом все очертания и все формы. Это недоброе обаяние, завлекающее не зная отпора себе и размывающее внутреннюю четкость, после того как очарованные утратили волю и самоопределение. Елены идут по пути той, первообразной, но конечно с соответственным понижением и плана и силы»⁴.

Елена Карловна (а точнее – Шарлевна) Дюбуше (Дю-Буше), «Синяя Звезда», с которой Н. С. Гумилев встретился в Париже, в 1918 году, была дочерью хирурга, хорошо известного в самых разных кругах «русского Парижа». Ее мать – русская, по имени Людмила Орлова, уроженка Одессы. Как справедливо утверждал Е.Е. Степанов в своей книге «Поэт на войне», наиболее полно о семье Дюбуше рассказал внук знаменитого биохимика, академика А. Н. Баха (1857-1946) И. С. Балаховский. Так, в своих «Воспоминаниях об академике А. Н. Бахе» И. С. Балаховский писал: «<...> Свои лучшие годы Алексей Николаевич Бах провел в эмиграции. <...> Самым близким другом был французский хирург Шарль Дюбуше, которому, как пишет сам Алексей Николаевич, он обязан жизнью – только благодаря моральной (а также материальной) поддержке удалось выжить в эмиграции. Его фотография с подписью всегда висела

на стене, я помню ее с раннего детства. Дюбуше почти всю жизнь прожил во Франции, но был американским гражданином и в автобиографии Алексей Николаевич называет его Чарльзом. Однако в семейных разговорах его всегда называли на французский манер Шарлем. Еще будучи студентом Сорбонны, он познакомился со студенткой из Одессы Людмилой Орловой и женился на ней в 1891 году. Людмила, не знаю уж по какой причине, не стала врачом, а была, как вспоминала моя мама, „профессиональной и убежденной“ медицинской сестрой, т. е. ставила во главу угла непосредственную помощь людям и уход за больными. Она действительно очень многим помогала. Шарль Дюбуше был потомком первых эмигрантов, прибывших в Америку, если не ошибаюсь, в 16 веке на корабле „Mauflower“, куски которого, как реликвии, хранились потомками. Отец Шарля тоже жил в Париже, он был известным дантистом, одним из первых, кто занялся протезированием, и стал известен широкой публике, когда после пожара в Парижской опере идентифицировал трупы по изготовленным им зубным протезам»⁵.

Дочь Шарля и Людмилы – Елена Дюбуше, – была журналисткой, с Н. С. Гумилевым познакомилась в 1917 г. в Париже. В парижских военных документах она именуется как Елена Карловна Дю-Буше. Согласно воспоминаниям Эммы Григорьевны Герштейн, в 1930-е гг. «Синяя звезда» посещала Советскую Россию и даже пыталась добиться встречи с Ахматовой, которая в это время жила в Фонтанном Доме, у Пуниных. Елена Дюбуше, в то время уже – мадам Ловель, позвонила в Фонтанный дом по телефону и попросила Пуниных передать, что хочет встретиться с Ахматовой. Однако, по словам Анны Андреевны, никто из Пуниных не рассказал ей об этом звонке. Свидание не состоялось. Елена Карловна хотела передать Ахматовой что-то важное, причем, не только словесное, но и вещественное, какую-то вещь, принадлежавшую Н. С. Гумилеву или с ним связанную. Что это была за вещь, – осталось тайной. Возможно, это был тот самый альбом, в который Н. С. Гумилев вписывал стихи «к Синей Звезде»⁶.

«Елена была не только чрезвычайно красива, она, по-видимому, обладала каким-то особым обаянием, покоряющим окружающих, обаянием, которое не могут передать ее фотографии»⁷, – писал

⁵ Степанов Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914-1918. М.: Прогресс-Плехида, 2014. С. 155.

⁶ Там же, С. 156.

⁷ Доливо-Добровольский А.В. Семья Гумилевых. Книга Третья. Адресаты лирики Николая Гумилева и Анны Ахматовой. СПб.: Фонд «Отечество», 2014. С. 444.

³ Флоренский П. Имена. СПб.: Азбука, Авалон, 2011. С. 182

⁴ Там же, С. 184.

А. В. Доливо-Добровольский. Свою дочь от второй жены, Анны Николаевны Энгельгардт, Н. С. Гумилев назвал Еленой – в честь Елены Дюбуше и покровительницы всех Елен, Елены Троянской.

Возвращение Н. С. Гумилева в Советскую Россию совпало по времени с замужеством Елены Дюбуше. Она вышла замуж за американца и стала называться мадам Ловель. «С собой она увезла альбом, в который Гумилев вписывал посвященные ей стихи»⁸, – подчеркивал А. В. Доливо-Добровольский.

Судьба этого альбома неизвестна. В 1923 г. в Берлине был опубликован цикл стихотворений Н. С. Гумилева «К Синей Звезде», «причем, анонимный составитель указывал, что тексты публикуются по альбому, хранящемуся в Париже у одного частного лица»⁹.

Появление названия сборника художник М. Ларионов, тесно общавшийся с Н. С. Гумилевым в Париже в 1917-1918 гг. объяснял так: они прогуливались с Гумилевым по саду Тюильри. На дорожке, чуть в стороне от главной аллеи, стояла статуя нагой женщины с поднятыми и сплетенными над головой руками. Николай Степанович показал Ларионову, что «с выбранной им позиции одна из звезд ночного неба проектировалась в центр овала, образованного руками статуи. «Это имеет отношение ко всему, что я написал в Париже, – сказал Николай Гумилев, – под голубой звездой»¹⁰.

Ларионов вспоминал не совсем точно: если внимательно посмотреть на фотографию этой статуи, которую Е.С. Степанов приводит в своей книге «Поэт на войне», то мы увидим, что соединенные за головой руки женщины образуют не овал, а треугольник. Если представить, что одна из звезд ночного неба «спроектирована» в центр треугольника, то мы увидим известный религиозный и мифологический символ: «глаз Божий», «всевидящее око».

Голубая (синяя, лазурная) звезда – это образ, связанный с символикой невозможного, запретного. Известен сходный символ голубой розы, обозначающий невозможное, таинственное. Этот символ связан с темой духовного поиска.

В то же время синий цвет у Гумилева связан с Венерой (планетой или звездой?). Вспомним стихотворение поэта «На далекой звезде Венере». На этой звезде любви у деревьев – «синие листья», а души пилигримов блуждают в «синих-синих

вечерних куцах»¹¹, подобных райским. Воспоминания о древнем рае отражены в изобретенном поэтом «венерианском языке», на котором говорят ангелы: «Уо», «ао» – о древнем рае / Золотое воспоминанье»¹².

Венеру, голубую звезду, в мифологии нередко наделяют демоническими чертами, рассматривают как противовес Солнцу и даже сравнивают со Звездой Польшы из Апокалипсиса. Однако, в стихотворении «На далекой звезде Венере» перед нами отнюдь не демоническое пространство, а некий рай для влюбленных, лишенный каких бы то ни было негативных характеристик. У голубой звезды – Венеры – может быть еще одна символика: она знаменует собой бурную, плотскую любовь.

Н. С. Гумилев в стихах, обращенных к Елене Дюбуше, говорит, однако, не о Голубой звезде, а о Синей, что существенно меняет семантику этого образа. В стихотворении из альбома Елены Дюбуше, вошедшем в посмертный сборник 1923 года, поэт писал: «Я наконец так сладко знаю, / Что ты – лишь Синяя звезда»¹³.

Как указывают французские источники, синий (голубой) цвет символизирует благородство, добродетель, царственность, чистоту («couleur du ciel sans nuages, couleur chaude puis froide, le bleu represente la spiritualité, la royauté, la vérité et la sagesse»¹⁴ («цвет неба без туч, цвет холодный, затем – теплый, синий представляет духовность, царственность, истину и мудрость» – перевод автора статьи, Е. Р.).

В католицизме голубой (синий) цвет – это атрибут Девы Марии, цвет ее плаща. Поскольку стихотворения, обращенные к Синей Звезде, писались во время пребывания поэта в Париже, католическая символика голубого (синего) цвета могла иметь для Гумилева особенное значение. Кроме того, во Франции голубой (синий) был цветом шуанов, вандейских повстанцев, противостоявшим красному республиканцев, белому – монархистов и черному – духовенства («le bleu des chouans s'oppose au rouge des républicains qui lui-meme se différencie du blanc monarchiste et du noir clérical»¹⁵). Подобная цветовая семантика также могла быть известна Н. С. Гумилеву. «Шуаном» называла Анна Ахматова своего сына, Льва

¹¹ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М.: Воскресенье, 2001. С. 135.

¹² Там же.

¹³ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 1999. Т. 3. С. 143.

¹⁴ Signes et symboles. Paris: Larousse, 2012. P. 16.

¹⁵ Там же, С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же, С. 445.

¹⁰ Там же.

Николаевича Гумилева: «Вам он – бродяга, шуан, заговорщик, / Мне он – единственный сын»¹⁶.

Елена де Сюржер – придворная дама двора французского короля Генриха III, поздняя и, по-видимому, последняя любовь Пьера де Ронсара. Известно, что мадам де Сюржер не отвечала на чувства Ронсара и даже жаловалась, что поэт компрометирует ее своими любовными стихами. Тем не менее, несмотря на эти жалобы, последний сборник любовной лирики Пьера де Ронсара «Сонеты к Елене» вышел в 1578 году и получил самую высокую оценку образованного французского общества. Пылкие стихи, которых так стеснялась Елена де Сюржер, обессмертили ее.

В этих стихах красавица уподоблялась Елене Троянской, дочери Леды, а еще грозному свету, подобному свету маяка, разрывающему тьму. В «Сонетах к Елене» Ронсар вспоминал о бывших возлюбленных, Кассандре и Мари, но говорил при этом, что Елена подобна гордой и неприступной крепости, и Амур гонит поэта на ее приступ: «И хоть давно пора мне сбросить панцирь мой, / Амур меня бичом, как прежде, гонит в бой – / Братъ гордый Илион, чтоб овладеть Еленой»¹⁷.

В сонете Ронсара «Плыву в волнах любви» из Первой книги «Сонетов к Елене» мы находим образы, созвучные гумилевским: море как «свободное море любви», любимая – как огненное видение, встающее из мрака, любовь как путеводная звезда, источник спасения для блуждающего по морским просторам путника. Для удобства дальнейшего анализа процитируем этот сонет Пьера де Ронсара полностью:

«Плыву в волнах любви. Не видно маяка.
Хочу лишь одного (не дерзко ль это слово!).
Но в горестной душе желанья нет иного –
Достигнуть берега – ведь гавань так близка!
Предвестье гибели – клубятся облака.
Виденьем огненным из мрака грозного
Елена светит мне. Она глядит сурово,
И к смерти парус мой ведет ее рука.
Я одинок, тону. Вожатым в путь мой трудный
Слепого мальчика я выбрал, безрассудный,
И горько жалуясь, краснею, слезы лью.
Душе неведом страх, хоть смерть меня торопит.
Но, боже праведный! Ужели шквал потопит
У самой пристани неверную ладью!»¹⁸.

Интересно, что Ронсар использует образ жоа-

того, но, в отличие от «Божественной комедии» Данте поэта, скитающегося по морям любви, ведет не Вергилий, а слепой мальчик – Амур. В стихотворении Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» присутствует образ «вагоновожатого», к которому, с отчаянием и болью, обращается лирический герой: «Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон!»¹⁹.

Ладья (корабль), скитающийся в морях любви, – один из любимых образов Н. С. Гумилева. Лера-Лаик из драматической поэмы «Гондла» молит: «Люди, лебеди иль серафимы, / Приведите к утесам ладью...»²⁰. В стихотворении, обращенном к Елене Дюбуше, «Из букета целого сирени» любовь ассоциируется со странствием по морским волнам: «Расцветают влажные сирени / За кормой большого корабля»; «Сердце прыгало, как детский мячик, / Я, как брату, верил кораблю, / Оттого что мне нельзя иначе, / Оттого что я ее люблю»²¹.

В стихотворении Н.С. Гумилева «Как черный бархат, на котором...» («Как черный бархат на котором / Забыт сияющий алмаз...»), также посвященном Елене Дюбуше, «фарфоровое» тело героини сравнивается с «лепестком сирени белой» под «умирающей луной». Луна – белая сирень – фарфор – сияющий алмаз: таков ассоциативный ряд, связанный с образом Елены в парижских стихотворениях Н. С. Гумилева 1917-1918 г. Этот ассоциативный ряд вписывается в лунную символику образа Елены, чье имя и образ связаны с Селеной, богиней луны. В стихотворении «Как черный бархат, на котором...» данный ассоциативный ряд завершается образом-символом белой восковой свечи, зажженной перед образом Девы Марии: «Пусть руки нежно-восковые, / Но кровь в них так же горяча, / Как перед образом Марии / Неугасимая свеча...»²².

«Сирень» в данном случае созвучна с «сиреной»: а голос сирен двойственен: он сулит и наслаждение, и гибель. «Сиренный» стих Ахматовой упоминается в стихотворении Н. С. Гумилева «Священные плывут и тают ночи». С другой стороны, покровительницей странствующих и путешествующих в драматической поэме «Гондла» названа Богородица: «Там Мария, Морская

¹⁶ Ахматова А. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 169.

¹⁷ Ронсар П. Избранная поэзия. Пер. с фр. / Вступ. Статья Ю. Виппера. Комментарий И. Карабутенко. М.: Художественная литература, 1985. С. 115.

¹⁸ Там же, С. 92.

¹⁹ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4. С. 81.

²⁰ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2004. Т. 5. С. 160.

²¹ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 1999. Т. 3, С. 137.

²² Там же, С. 147

Звезда, на высоком стоит маяке»²³. Здесь присутствует переключка с лирикой В.Я. Брюсова, в частности, со стихотворением «Звезда морей», в котором лирическому герою предстает «Дева Мария, Звезда морей».

Елена у Ронсара ведет корабль любви к смерти; ее свет – суров и несет в себе гибель. У Гумилева Елена, «девушка с газельими глазами», напротив, вдохновляет поэта на странствие (путешествие); ее образ ассоциируется с сиренью и, одновременно, с «огненными небесами», т.е. с искупительным огнем как символом очищения лирического героя.

Газель в данном случае – символ и эмблема души. «С первобытных времен ее изображали в иконографии убегающей от льва (либо пантеры)»²⁴, или же преследуемой охотником. В стихотворении Н. С. Гумилева «Персидская миниатюра» фигурирует шах, устремившийся «тропой неверной» «за убегающею серной»²⁵.

У Ронсара влюбленные и после смерти находят отдохновение и убежище в тени мирт, в тени вечных лавров, между цветущих апельсиновых и лимонных деревьев: «Где легчайший Зефир, задыхаясь, качает / На весенний распев. / Где – цветы апельсин, / Где влюбленный играет / Меж лимонных дерев»²⁶. В стихотворении Н.С. Гумилева «На далекой звезде Венере» души влюбленных находят приют в «синих-синих» вечерних кущах. Здесь налицо обращение к куртуазному миру французской поэзии, в частности, к сонетам Ронсара, где души влюбленных находят вечных приют среди цветущих деревьев (земных и неземных – одновременно). Души влюбленных и у Ронсара, и у Гумилева отдыхают в волшебном саду: только у Гумилева преобладающий цвет этого сада – синий, а у Ронсара – белый, золотой и зеленый (мирт, лавр, апельсиновые и лимонные деревья).

Лавр у Ронсара – это, среди прочего, аллюзия к сонетам Петрарки, в которых мадонна Лаура сравнивается с вечнозеленым лавром (Лаура – Лавр). Миртовое дерево символизирует духовность и чистоту: подобная символика была важна как для греко-латинской культуры, так и для культуры эпохи Возрождения. Цветение апельсина – символ гармонии и счастливого брака (флердоранж, украшающий фату невесты). Лимон – знак уро-

жая; его носили в левой руке во время праздника Кушей. Кроме того, лимон, как и апельсин, символизируют солнце, солнечную энергию. Лимон, помимо всего прочего, является знаком верной любви.

В сонете Ронсара «Лимон и апельсин, твой драгоценный дар» оба эти плода – символ страстной любви. Поэт целует их влюбленными губами, кладет себе на грудь. Ронсар сравнивает лимон и апельсин с яблоками, которыми «прельстил бегунью Гиппомен»²⁷. Если в стихотворениях Н. С. Гумилева, обращенных к Елене Дюбуше, главное растение в саду любви – это белая сирень, то у Ронсара – это лимонные и апельсиновые деревья. По словам Реми де Белло, апельсин символизирует Сладострастие, Грацию и Любовь. Апельсин был символом любви еще у древних греков.

Интересно, что у Н. С. Гумилева главные цвета Сада любви – белый (луна, сирень) и голубой (синий), а у Ронсара – солнечный (желтый, золотистый). У Гумилева Сад любви – это волшебное пространство Луны, у Ронсара – владения Солнца.

Таким образом, можно сказать, что и у Ронсара, и у Гумилева представлен галантный и куртуазный образ сада любви, в котором после смерти находят убежище души влюбленных. Только сад этот «окрашен» в разные цвета с различной цветовой семантикой. Кроме того, в стихотворениях Н. С. Гумилева, обращенных к Елене Дюбуше, и в сонетах Пьера де Ронсара, посвященных Елене де Сюржер, мы находим сходные образы «моря любви», маяка, который светит в грозу и посылает спасение любящим, ладьи, пустившейся в путь по штормовому «моря любви», морской девы, дарующей смерть или спасение. В драматической поэме Н. С. Гумилева «Гонда» «Мария, Морская Звезда» стоит на высоком маяке, и спасение для любящих душ – в ее свете. У Ронсара отдохновение и радость влюбленным дарит чудесный сад, подобный райскому. В любом случае налицо переключка образов, тем и мотивов.

В центре сложного сплетения образов и символов у Пьера де Ронсара и Н. С. Гумилева находится образ Елены, героини, подобной Елене Троянской, и Селене-Луне. Елена зовет лирического героя в полное опасностей и подвигов путешествие по «моря любви». Но это трудное и драматическое путешествие дарует герою подлинную внутреннюю свободу и приобщает его к вечности.

²³ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2004. Т. 5. С. 110.

²⁴ Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Refl-book, 2004. С. 130.

²⁵ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4. С. 70.

²⁶ Там же, С. 147.

²⁷ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2004. Т. 5. С. 110.